

Валерий Железнов

БОСИКОМ
ПО
ЖИЗНИ

Избранная проза

Валерий Юрьевич Железнов

Босиком по жизни

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29261494
SelfPub; 2024*

Аннотация

Эта книга представляет собой сборник избранной прозы, составленный из реалистических рассказов, миниатюр и публицистики. В реалистических рассказах и миниатюрах излагается о неординарных случаях из жизни как самого автора, так и его знакомых, друзей, родных. Автор не просто констатирует произошедшие события, но и вкладывает в свои произведения определённый философский смысл бытия..

Валерий Железнов

Босиком по жизни

Валерий Железнов

БОСИКОМ ПО ЖИЗНИ

Босиком по жизни

Огрубели подошвы моих стоп, шлёпая босиком по бескрайним дорогам жизни, ибо нет на них ботинок с толстой подмёткой, которые могли бы защитить их от острых камушков, скользкой грязи и холодных осенних луж. Много вёрст за моими плечами и сколько их ещё предстоит пройти. Много заживших ран и ссадин на грубой коже. Боль этих ран научила многому. В долгом и трудном пути научился я ходить осторожно, огибая препятствия, посматривая под ноги. Но нет – нет, да ускорится мой шаг, рванусь я куда-то: к восходу Солнца, к чистому прохладному роднику, к цветущим полянам на опушке леса, к белому искристому приборю, что шуршит серой кремнистой галькой, или просто устремляюсь к огню домашнего очага, сулящего долгожданный отдых и покой. И вновь натыкаюсь на валуны горных троп, утопаю в горячей пыли большака, вязну в непролазной грязи просёлков, сдираю кожу о колючки непроходимых зарослей.

Вот так и душа моя не имеет защитного покрова, который бы укрыл её от грязи, согрел и защитил бы от острых колючек этих дебрей бытия. Как розовые пяточки младенца постепенно, в течение жизни, покрываются толстой кожей, так и душа моя огрубела в долгих скитаниях по извилистым дорогам жизни. Огрубела, но не превратилась в мёртвый булыжник, не покрылась суровой кожей ботиночной подмётки. До сих пор она осталась чувствительной к толчкам и уколам.

Кто-то, может, скажет: «Ну, и дурак! Не умеешь жить!». Возможно. Это ведь умные учатся на чужих ошибках, а дураки на своих. И пусть я допускал в жизни много ошибок, но я на них учился. Да, я учился на своих ошибках! И становился умней.

Сейчас я остановился на обочине и оглянулся назад. Много чего там осталось. Боль и страдания, обиды и поражения, яркие краски детства и восторг первой любви, открытия и неудачи, множество друзей и поверженных врагов. Всё это превратилось в груз опыта. Но своя ноша не тянет, и эти знания помогут мне в предстоящем пути. Я буду рад, если это поможет другим.

И снова в путь, ибо долго оставаться на обочине опасно, превратишься в камень, а остановишься на дороге, затопчут идущие следом.

Грязные ноги значительно чище грязной души.

Первый снег

Прогноз погоды не был оптимистичным: по области дождь, порывистый ветер, температура 0, +5.

И вдруг с утра повалил снег! Густой, густой. Большими хлопьями валил он с неба. Шматками влажной ваты ложился на всё, всех, и вся. Ночной промозглый ветер затаился где-то среди ветвей замершего сада. Первый снег всегда долгожданен, он приносит некую радость, осветляет серость осенней хмари, прикрывает надоевшую уже грязную слякоть. И пусть он не долговечен, он скоро растает, но в его свежести слышен голос зимы.

А этот снег выпал слишком рано и неожиданно обильно. Ещё не настала пора «Золотой осени». Зелень кругом. Румяные яблоки, не до конца сбитые ветром, висят на ветках. Он валил весь день, до темноты, толстым тяжёлым одеялом закрыв обалдевшую растительность. Куст пиона свалился на землю, упругая малина поникла, смородиновые кусты превратились в белых медвежат, а яблони... Яблони окутались белым влажным кружевом.

Урожай яблок в этом году богатый. Ветки деревьев едва выдерживали тяжесть сочных плодов, склоняясь почти до земли. Собрать урожай не пришлось, и жёлто-розовые наливные яблоки так и остались висеть на ветвях. Осенний ветер пытался стряхнуть их, но лишь наполовину освободил натруженные ветви от тяжести. Яблони слегка приободри-

лись и воспряли.

А тут такое...! Влажный обильный снег навалился с новой силой. Странное и необычное зрелище. Из-под тяжёлых белых клоков выглядывали краснощёкие, как зимние дети, яблоки, обрамлённые заиндевевшей зеленью листьев. Меня так поразила эта картина! Я никогда такого не видел. Что-то подобное было в зимней Ялте. Но здесь... яркие красные пятна на бело-зелёном фоне... Фантастическое зрелище! Я не удержался от восхищения природным капризом, схватил фотоаппарат и бросился в сад. Восхитительные кадры!

На следующее утро снег растаял. Листья яблонь окружила траурная кайма, а простудившиеся яблоки покрылись коричневыми пятнами.

Осень. Пора увядания. Немного грустно. Но остались снимки.

В альбоме рядом две фотографии: яблони, усыпанные яркими крупными плодами, лоснящимися на солнце, и те же яблони под кружевом первого снега.

Что такое счастье? Мудрецы издревле спорят об этом. Но я знаю, по крайней мере, одного счастливого человека. Я вижу его в зеркале каждое утро. Желаю и вам почаще видеть счастливого человека в своём зеркале!

Два вокзала

(путевые заметки)

На самолёте мы не полетели. Всё мотаемся по заграницам, а свою страну уже давно не видели изнутри. Поэтому отправились поездом, с пересадкой в первопрестольной.

Прибыли на Ленинградский вокзал утром, вышли из вагона на перрон, и направились к выходу. Ничего особенного: вокзал как вокзал, почти такой же, как Московский в Питере, только архитектура несколько другая. Да и не в архитектуре дело. А просто атмосфера похожая.

Далее нам следовало перебазироваться на Казанский вокзал, а оттуда на восток. Стоит ли описывать суету и какофонию привокзальной площади? Тем, кто хоть раз совершал путешествия поездом нет надобности это напоминать. Тут всё ясно; казалось бы, совершенно хаотичное движение людей и транспорта, при внимательном рассмотрении, подчинено определённым законам логистики. И это правильно.

Попав на Казанский вокзал, мы сразу очутились в несколько ином измерении. Есть у современной молодёжи хлёсткое выражение "отстой!". Так вот другого выражения я не подобрал – именно отстой. Сразушибанул в ноздри запах этого отстоя. Не скажу, что было очень грязно, но старое здание впитало в себя множество запахов, отнюдь не радующих обоняние. Миазмы общественных туалетов, залежалого тряпья, давно не мытых человеческих тел и нестиранных носков смешивались в безумный коктейль с тошнотворным ароматом вокзальных буфетов. И во всём этом витали моле-

кулы дешёвого освежителя воздуха.

До поезда оставалось не более трёх часов, и гулять по столице не было смысла. Надо где-то пристроиться. Места в залах ожидания были, но нам местечко нашлось не сразу. Наконец нашли пару чистых кресел в окружении приличных соседей. Устроились, расположились, перевели дух. От нечего делать, я стал глазеть на публику. Давненько я здесь не бывал. Последний раз я ехал через Казанский вокзал ещё в школьном возрасте. Тогда деревенского парнишку поражал столичный размах. Красивое, старинное здание производило впечатление. Но, знаете, с тех пор немного изменилось. В старое здание вокзала просто напихали разных современных прибабасов – в изобилии игровые автоматы, пёстрая, кричащая реклама, бары и буфеты с яркими заграничными этикетками, турникеты, камеры слежения. А в остальном это был всё тот же старый пошарпанный суетливый вокзал. И потоки людей.

Да, разный народ путешествует по нашей необъятной Родине. И вполне приличные граждане, по тем или иным причинам отдавшие предпочтение поезду перед самолётом, переселенцы из разных регионов и бывших республик советской империи, лица без определённого места жительства, "мешочники" (да, есть такое явление и в наши дни) с огромными клетчатými сумками типа "Мечта оккупанта", и субъекты с явным уголовным прошлым. Очень, очень пёстрая и разношёрстная масса людей окружала нас. А что вы хотите

– вокзал всё-таки. Вокзалы всегда шумные и светливые.

Страж порядка, не в меру упитанный бугай, с погонями старшего сержанта, фланировал вальяжно по залам, помахивая укороченной дубинкой. Чувство неизмеримого превосходства явно читалось на его самодовольном лице (это мягко сказано). Он, для порядка, будил своей дубинкой дремавших бомжей, и прогонял их с насиженных мест. Те, ворча себе под нос, покорно перебирались в другой уголок, где снова мирно впадали в спячку. Милиционера это уже не интересовало. Он выполнил один из многочисленных пунктов инструкции. Недалеко от нас расположился маленький семейный табор выходцев с Юга. Сидят себе тихонько, никого не трогают, не шумят. Сержант прицепился к ним, и тоже стал прогонять без объяснений, даже не проверяя документов. Они пытались его уговорить по-хорошему, но, видимо "по-хорошему" его не устраивало. А взять с них нечего. В итоге серый страж всё-таки выгнал семейство с насиженного места и отправился дальше.

Иногда его взгляд выхватывал из толпы какое-нибудь лицо, и он направлялся проверять документы. Наверное, нужно самому стать "ментом", чтобы понять, по какому принципу происходит этот отбор. Я, как ни старался, так и не понял. Все подозрительные, на мой взгляд, личности остались вне его поля зрения. Сержант небрежно козырял, скороговоркой представлялся и требовал документы. Долго листал страницы, что-то нудно выпрашивал, сурово заглядывал в

глаза жертве и, разочаровано возвратив документы, продолжал свой обход.

Когда-то, очень давно, кажется, это было в другой жизни, я безбоязненно мог подойти к постовому милиционеру и спросить что-нибудь, например, дорогу в незнакомом мне городе, а теперь мне совершенно не хочется совершать такой опрометчивый поступок, ибо вместо помощи я, первым делом, подвергнусь унижительной процедуре проверки документов. Да и не факт, что страж порядка знает ответ на мой вопрос. Зачастую они более-менее сносно знают только свой участок. А уж разговаривать с простыми гражданами считают ниже своего достоинства. Нет, пожалуй, не все такие, но, увы, большинство.

Мы дождались своего поезда без происшествий и переместились в купе, согласно купленным билетам. Путешествие по бескрайним просторам нашей Родины надо описывать отдельно. Это тоже увлекательно и экстремально. Это вам не в европейском экспрессе прокатиться из Берлина в Париж!

Обратный наш путь лежал через те же вокзалы. Прибыли мы так же поутру. Наш поезд на Питер отправлялся в третьем часу ночи, а потому впереди уйма времени для прогулок по Москве-матушке. Но это тема для другого повествования, а я про вокзалы.

Ночью, на последнем трамвае, вернулись на площадь трёх вокзалов. И тогда-то создалось впечатление, что это был не простой городской трамвай, а некая машина для перемеще-

ния в другой, параллельный мир.

Всё вроде бы на месте, но несколько иначе. Ночная жизнь площади разительно отличалась от дневной. Теперь на свет фонарей выползли существа, прятавшиеся днём в городских дебрях. Несуразные гоблины ковыляли по тротуарам, свирепого вида орки расположились на ступенях подземного перехода, суровые гномы добывали что-то в мусорных корзинах, безмозглые отарки и разнообразные мутанты с калеками всех мастей расположились тут и там. Просто мистификация какая-то! Будто попали мы в какой-то мрачный фэнтезийный мир.

Все они жили сейчас своей, непонятной для простых граждан, жизнью. Бродили по подземным переходам в поисках поживы, кланчили подаяние, рассевшись по купленным местам. Вели какие-то свои толковища, разместившись на привокзальном парапете. Пили, ели, и даже, как мне показалось, любили.

Мерзкое создание, которое когда-то родилось девочкой, восседало на ступенях, и противно хохотало ярко красным ртом, в котором виднелось несколько коричневатых кривых пеньков, когда-то давно называвшихся зубами. Синюшные, цыплячи ноги её торчали из широких голенищ старых женских сапог. В уголке рта приклеилась недокуренная беломорина. Кривенькими рябыми ручонками она вешалась на шею здоровенному осоловелому мужику со свалывшейся бородой и свисающими на глаза бровями. Тот вяло матерился и от-

махивался от любовницы как от назойливой мухи.

А недалеко от этой яркой парочки притулился безногий калека. Он сидел на тележке с подшипниками вместо колёс и гнусавым голосом выпрашивал у прохожих на пропитание. Приглядевшись, я почему-то не поверил ему. Голодающим он не выглядел, да и ноги, похоже, были спрятаны в толстой подушке его тележки. Прохожие, в основном такие же транзитные пассажиры как и мы, боязливо проскакивали мимо него, лишь изредка бросая ему в картонную коробку несколько монет. Зато с каким презрением провожал мнимый калека тех, кто этих монет не бросил. Да и тех, кто подавал, он провожал с нескрываемым презрением.

Первое впечатление: "Боже, куда мы попали!?", сменилось: "Ух, ты! И такое тоже есть!". И больше всего поразил не сам факт существования всех этих существ, а их высокая концентрация на сравнительно небольшом участке. Такое впечатление, что на ночь они сползались сюда со всей столицы. Просто "шабаш" какой-то. Кошмар. А ведь всё это происходило в реальности, на площади трёх вокзалов, в столице огромного государства, стоящего отнюдь не на последних местах мировой сообщества.

Я реалист, и многое повидал в этой жизни, многому перестал удивляться, но эта ночная площадь меж трёх вокзалов врезалась в мою память. Я много путешествовал по миру, видел и картины пострашнее, но смотреть на этот карнавал монстров в родной стране было противно. За державу обид-

но!

Долго задерживаться в ночной реальности странной площади не хотелось, и мы прорвались в зал ожидания Ленинградского вокзала. А вот здесь нас ожидал свой, привычный мир. Опять спокойно ожидающие своего поезда пассажиры, относительная чистота и покой. И публика почему-то выглядела намного приличнее, чем на Казанском, и воздух другой, и страж куда-то подевался. Я не хочу сказать, что в Питер ездят только приличные люди, и там хватает всякого дерьма, но я описываю то, что видел.

Мы без труда разместились в зале ожидания. До отправления поезда оставалось ещё минут сорок. Вытянув, гудящие после дневной прогулки по Москве, ноги, я невольно обратил внимание на голос из репродуктора, объявлявший о прибытии и отправлении поездов. Странно, но даже объявления здесь делались членораздельным русским языком, а не гундящим набором звуков, разобрать которые было почти невозможно.

Я сидел и удивлялся: "Два вокзала на одной площади одного великого города, а какая разница?!"

Широка страна моя родная, много в ней.... Чего в ней только нет?

Самое лёгкое – это запрещать что-либо другим. Самое трудное – запретить себе даже самую малость.

Узник

Сколько ему было тогда? Возраст Христа – тридцать три года. В этом возрасте умер Александр Македонский. Именно в этом возрасте и он впервые попал сюда. Можно сказать – умер. Несколько раз вырывался на свободу, но его вновь и вновь ловили. Он снова оказывался в этой тесной клетке. Но теперь последний срок – уже пожизненный. А за что, спрашивается? Он просто страстно любил свободу, не терпел зависимости, всего лишь делал то, что хотел!

Свобода! Вот она, рядом, всего шаг шагнуть. Её можно видеть, слышать, ощущать сладкий её аромат, но клетка заперта, на двери замок. Но не он главное препятствие на пути к свободе, а Сторож. Именно Сторож всегда на страже, он жесток, неподкупен и бдителен. Не смыкает он глаз ни днём, ни ночью. Он силен и умён. Ни силой его не взять, ни хитростью. Неумолим, ибо научен горьким опытом. Давно они вместе. Раньше они были друзьями – просто одно целое. А теперь враги. И победил не Узник.

– Выпусти, а? Хоть на часок, – упрашивал как всегда Узник, – я ведь не сбегу, слово даю.

– Нельзя, и не проси! – сурово отрезал Сторож.

– Ну, что ты за человек!? Истукан какой-то! Я же не прошу отпустить совсем, позволь хоть на часок почувствовать себя свободным.

– Нет.

– Вот попугай, заладил – нет, да нет. Ты же не был таким. Проявлял же ты раньше сострадание, прощал, сочувствовал. Я же помню.

– Заткнись!

– До сих пор обижаешься? Ну, было, было! Но ведь я осознал, раскаялся. Неужели я не достоин хоть маленького снисхождения, хоть крошечного послабления? – продолжал увещевать Узник.

– Нет, не достоин! – Сторож отвернулся.

– Всего лишь глоток свободы! – не унимался Узник. – Ты же знаешь, как я люблю Свободу, я сдохну здесь.

– Не сдохнешь! – Сторож резко обернулся и горящим гневным взглядом пронзил Узника, а потом разразился обличительной тирадой. – Ты столько раз ходил по краю, и не сдох. А здесь я не дам тебе подохнуть. Ты будешь жить, и этой жизнью искупать свои грехи!

– Да ладно тебе! Я уже просил у тебя прощения. Чего тебе ещё?

– Прощения?! – вознегодовал Сторож. – Нет тебе прощения! А если я и смогу простить то, что ты чуть не угробил меня, то не вправе прощать всё остальное. Ведь это ты чуть не пустил по миру мою семью. А сколько горя натерпелась от тебя жена? Дети выросли без отца. Им какво? А те люди, которых ты обманывал, бросал на погибель – они простят тебя? Ты всегда думал только о себе, жил только в своё удовольствие. Самодовольный эгоист! Сколько лжи и лице-

мерия было в твоей никчёмной жизни?!

– Так что ж, убей меня! – в фальшивом отчаянии выкрикнул Узник.

– Нет, – ухмыльнулся Сторож, – смерти ты не достоин. Смерть для тебя была бы амнистией. Сиди вот, и думай. Может, когда-нибудь осознаешь и действительно раскаешься. А снисхождение.... Тебе и так оказано неслыханное снисхождение. Тебе тепло, светло и сытно. У тебя есть работа, которая тебе нравится. Ведь так? Тебе предоставлена возможность общаться со всем миром. У тебя всегда под боком женщина, которая желает тебя. Ты прекрасно устроился, сволочь! Чего ж ты гундишь всё время: «Свободы, свободы!»? Ты и так свободен, но в пределах этой клетки. А вот я вынужден ограничивать свою свободу, сторожа тебя. И то не ропщу.

– А оно тебе надо? – съязвил Узник. – Плюнь, да брось это дело. Никто даже не заметит. Никто тебя не осудит. А?

– Нет, и речи быть не может. Выпусти я тебя – ты таких дров наломаешь, столько горя принесёшь, я жить не смогу с таким грехом. Нет! Будешь сидеть! Я сказал!!!

– Да пошёл ты!!! Урод!!! – с ненавистью процедил Узник. Отвернулся и плюхнулся в кресло перед компьютером.

А Сторож перевёл дыхание и замер на посту.

Человек был счастлив, он выполнил свой долг. Победа в беспощадной борьбе далась нелегко. Враг был силён, кова-

рен и хитёр. Не счесть ран на теле победителя, но тем радостней миг победы. Побеждённый враг пленён и заточён в узилище. Теперь на клетке Узника висит табличка с надписью: «Второе Я». Срок – пожизненный. Опасен и склонен к побегу.»

Человек обязан быть нужен кому-нибудь, иначе жизнь его пуста и никчёмна. Если ты не нужен никому, займи денег в долг.....

Ковровая бомбардировка

(путевые заметки)

В купе ещё не жарко – весна. Монотонно позвякивает ложечка в стакане. Колёса привычно отсчитывают стыки рельсов: «Тук – тук. Тук – тук». Толстая тётка на нижней полке почти всегда спит, отвернувшись к стене. Мужичок сверху напротив – постоянно бегаёт в тамбур на перекур. Попутчица снизу что-то увлечённо читает. А я смотрю в окно.

Я люблю смотреть в окно из мчащегося поезда. Потому и недолголюбиваю самолёт – много не увидишь. И если позволяет время, путешествую под перестук колёс.

Широка страна моя родная, огромны её просторы. Не счесть богатств на бескрайней её территории. Мелькают города, посёлки, крошечные полустанки, где-то вдалеке светятся одинокие окна забытой богом деревеньки. И везде жи-

вут люди. Со своими радостями и заботами.

Поезд мчится по бескрайним полям, ныряет в тёмные туннели, тревожит своим грохотом спокойствие вековой тайги. Какая красивая у нас страна! Такого великолепия и разнообразия нет, наверное, ни в одной стране мира. Прекрасна природа даже сейчас, когда поля ещё покрыты прошлогодней сухой травой, а лес только-только начал зеленеть. Красотища!!!

Но что это?! Впереди виднеется зарево, и вскоре поезд врезается в стену белёсого дыма. Пожар! Да, это горит сухая прошлогодняя трава. Сквозь пелену дыма проглядывается трепещущая линия огня. Она уходит от полотна дороги к самому горизонту. Впечатляюще и жутко! Это бывает. Весной всегда жгут старую траву. Но почему так много огня? Почему полыхают огромные пространства пахотных земель? Как в кино про войну, когда горят пшеничные поля. Но почему?! Да потому, что не паханы они который год. Буйным бурьяном зарастают брошенные крестьянами плодородные поля. И не только бурьяном; то здесь, то там видны островки кустарников. Знать уже давно пустуют эти земли. Ох, беда, беда!

А огненная стихия этому и рада. Шквал огня перекидывается с полей на перелески. Горят, ожившие, было, от зимней спячки деревья, гибнет мелкое зверьё, птицы покидают привычные места. Да что там говорить. Гибнет такая красота! И впрямь идёт война! Только не понятно кто с кем воюет.

И чем дальше я еду, тем больше меня возмущает увиденное. Чем дальше от крупных городов, тем явственней следы этой необъявленной войны. На территории, куда уже десятки лет не залетал ни один снаряд, не упала ни одна бомба, режет глаз неприкрытая разруха и запустение. А создаётся впечатление, что едешь по местам недавних сражений. Вдоль железной дороги постоянно встречаются руины каких-то зданий, а то и целиком опустевшие деревни. Поваленные столбы с оборванными проводами, ржавые исковерканные скелеты оставленной техники. На ржавых рельсах тупиков догнивают старые вагоны.

Но если не было войны в этих местах, то почему такая разруха? И это здесь – вдоль железной дороги, где, казалось бы, должна кипеть жизнь. Что же тогда творится там, куда не проложены рельсы, не проведены асфальтовые магистрали? Там жизни вообще нет?

Подобный вопрос я задавал себе в экспедиции по Волге. Прекраснейшие места, оживлённая водная магистраль, и такие же заброшенные посёлки. Казалось бы, живи и радуйся, но не живут люди в этих глухих краях. Молодёжь бросает обжитое жильё, покидает родину и тянется на свет больших городов. А глубинка вымирает вместе со стариками. Болеет и гибнет великая страна. Будто ковровой бомбардировкой уничтожается. Но Государство живет. Ведь только у нас Страна и Государство – совершенно разные понятия.

Настолько привыкаешь куда-то стремиться, что после достижения одной цели, сразу намечаешь новую и вновь пускаешься в путь.

Великий и могучий...

Велик и могуч русский язык... и могучее его только русский мат. Не имеет он языковых барьеров, уж поверьте мне. В любой стране мира можно послать местного жителя в или на ..., и он безошибочно поймёт, что его обругали. Может быть, он скромно ответит: «Фак ю!» и стыдливо удалится, а может просто даст вам в морду. Откуда у необразованного аборигена такие познания? Вот и выходит, что русский мат имеет волшебную силу слова, проникающего не только в уши, но и непосредственно в само сознание человека.

Ругательная словесность имеет тенденцию постоянно развиваться и богатеть. Насколько цветист и многослоен стал мат в наш бурный век по сравнению с тёмным средневековым прошлым, когда наши малограмотные предки употребляли в качестве ругательств обычные русские слова. Ну, сами посудите, разве сейчас можно кого-нибудь обругать такими словами как: «Смерд, пёс смердящий, гузно» – и т.п. Современный человек не опустится до такого примитива. Мы намного изобретательнее, и для оскорбления друг друга употребляем такие «кудрявые» выражения, что наши прапрадеды, возможно, просто не поняли бы нас, ибо для них это бы-

ла бы иностранная речь. А какую неоценимую услугу оказывают эти магические выражения в процессе доведения прописных истин до некоторых непонятливых индивидуумов. При помощи мата можно объяснить что угодно и кому угодно. А как обойтись без него при общении с друзьями в тесной компании? А как можно описать обычными словами последствия этого тесного общения? Это же совершенно глупо произнести на следующее утро: «Сойти с ума!!! Как мы вчера накушались алкогольных напитков! Употребляли их с обеда и до полночи, играли в благородные карточные игры, и имели приятное общение с доступными дамами. Полный восторг!». Полный бред! И совершенно невыразительно. А при помощи мата можно красочно донести до собеседника всю полноту эмоций, и живо описать происшедшее накануне, а так же излить ему горестное положение брэнного тела и томление духа. Или, скажем, попали вы случайно молотком по пальцу... Понятно, какие звуки вырвутся из вас. Но смех смехом, а действительность такова, что плакать хочется.

В качестве информации к размышлению расскажу маленькую историю из собственной жизни.

Было это давно – в безоблачной и наивной юности моей. В составе юношеской спортивной команды я был отправлен на всесоюзное первенство по лёгкой атлетике в знаменитый пионерский лагерь «Артек». Неимоверное везение! Каждый школьник Советского Союза мечтал попасть туда. И вот как-то однажды вечером в умывальнике для мальчиков

мы с друзьями делились впечатлениями прошедшего дня. Само собой в выражениях не стеснялись. Для нас это было естественно. Ведь мы были в своём кругу, а никого из взрослых рядом не было. И в тот момент, когда я бурно высказываясь, складывал трёхэтажные фразы ненормативной лексики, меня грубо оборвал на полуслове кто-то из своих, больно ткнув кулаком в спину. Я обернулся, и с моих уст готова была слететь смачная тирада в адрес обидчика. Но слова застряли в горле, когда я увидел, что в проёме двери стоит директор лагеря. Я просто окаменел, готов был провалиться со стыда, ибо знал, что оскверню свои уста грязными ругательствами. А за это по головке не погладят. Директор смотрел мне в глаза несколько секунд, повернулся и вышел, поманив меня за собой. Он не ругал меня при всех, он не ругал меня наедине. Человек с тремя высшими гуманитарными образованиями не мог себе позволить орать или просто ругать ребёнка. Он спокойно и серьёзно вёл беседу. И от этого мне становилось ещё отвратительнее. Позор сжигал меня изнутри. Я что-то мямлил в ответ на его вопросы, а больше пристыжено молчал. Такой гадливости к самому себе я не испытывал никогда. Этот разговор запомнился мне на всю жизнь.

Нет, я не излечился от матерщины полностью, слишком глубоки корни этого явления во мне, но я навсегда «зарубил себе на носу» жёстко контролировать свою речь, особенно в присутственных местах, и в общении с малознакомыми людьми. Волю своему грязноречию даю я только на-

едине с собой. В чём же мораль истории, спросите вы? А в том, что я хоть и ругался матом с детства, но твёрдо знал – это плохо. Сейчас же на каждом шагу слух мой режет неприкрытая брань, льющаяся мутным потоком не только из гло-ток подонков общества, но и вполне приличных членов оно-го. Как часто мы стыдливо отворачиваемся при виде куря-щей девчушки или боязливо отмалчиваемся в присутствии сквернословящих подростков. Увы, но повседневной и обы-денной стала картина, когда девчонки и мальчишки, никого не стесняясь, общаются с помощью сленга, жаргона и безза-стенчивого мата в присутствии большого скопления народа. По всей видимости, им не приходит в голову, что это очень плохо, отвратительно, и отнюдь их не красит. Они так вос-питаны. При всём том, что это, зачастую, дети вполне благо-пристойных родителей. Они учатся в школах и университе-тах. Но почему это происходит? С чего началось это ужаса-ющее падение нравов и гибель культуры речи? Кто виновен? И почему ничего не предпринимается для искоренения это-го мерзкого явления?

А что вы хотите?! Десятками лет нам насаждали другую культуру, где слово «интеллигент» было оскорбительным. А теперь, когда всё дозволено, из динамиков и с экранов на нас лавиной обрушиваются матерные слова. Неприкрытая пор-нография и сцены насилия на каждом шагу! Современная литература, кино и средства массовой информации серьёзно отравлены ненормативной лексикой и безнравственностью.

Знаменитые актёры, певцы, политики, публичные люди всех мастей даже бравируют этим. Депутаты законодательного собрания ругаются матом, а потом сидят и обсуждают проблемы с написанием того или иного слова. Это ли их дело? Ведь существуют прекрасные словари русского языка, составленные умнейшими людьми, учебники, в конце концов. Но зачем нам учебники, зачем своды законов?! Может наплевать на всё и жить в беззаконном обществе? Или всё же стоит бороться, начав, прежде всего с себя?

Кто виноват? Что делать?

Цинизм – есть продукт действия скрытых пороков души.

Се ля ви

– Валерочка, сыночек, не надо реветь, – успокаивала меня мама. – Мы с папой в город быстренько съездим и скоро вернёмся. Тебе новую игрушку купим. Хочешь машинку, или самолётик?

– Не хочууу!!! Не хочу машинкууу! – кричал я. – Хочу с тобой в город! Возьми в город!

– Ну не капризничай, Валерочка, посидишь с бабушкой, а мы вечером тебя заберём.

Я цеплялся за мамину юбку, истерично орал, топал ногами, и не думал успокаиваться. Ещё бы, я уже большой маль-

чик, мне почти пять лет, а меня ещё ни разу не брали в город. Своё районное село я уже знал достаточно, а вот город был для меня загадочным неведомым миром. О нём я слышал от взрослых и приятелей, что постарше. Там столько интересного и неведомого, а меня не берут. Сколько же можно ещё расти?

Меня долго успокаивали и мама, и баба Пана. Только отец терпеливо стоял молча в стороне, поглядывая на часы. Автобусы ходили редко и строго по расписанию.

– Так, всё! – строго сказал отец. – Хватит кочевряжиться, и так опаздываем. Поорет, да и перестанет. Пошли, Галка, успеть бы.

Баба Пана оторвала меня, дико ревущего, от маминой юбки и прижала к себе. Отец с мамой скрылись за дверью. Я ещё некоторое время изливал слезами свою обиду и даже порывался броситься вслед, да бабушка закрыла дверь на крючок, а он был настолько высоко, что мне не дотянуться. Но детские слёзы сохнут быстро. Через полчаса я уже безмятежно играл на широкой лежанке огромной русской печи, а потом и вовсе заснул под мерное стрекотанье бабушкиной прялки.

Они почти бежали. Стараясь успеть на автостанцию к отправлению автобуса. И когда они показались из переулка, переполненный автобус захлопнул гармошки своих дверей и тяжело тронулся с места. Отец бросился вперёд, размахивая

руками, намереваясь привлечь внимание водителя, и тем самым задержать отправление. Мама хоть и не могла угнаться за ним, тоже рванула из последних сил. Но водитель, возможно, не заметил опоздавших пассажиров, а может просто не пожелал останавливать, начавшую набирать ход, перегруженную машину.

Они опоздали. Теперь придётся ловить попутку и выбираться на тракт, а там, если повезёт, садиться на проходящий автобус, или на другую попутку до города. Отец долго ругал маму и меня. На меня он ругался, за то, что много кочевряжился, а на маму, что слабохарактерно потакает моим капризам. Он ругался и одновременно голосовал, стоя у обочины дороги.

Но нет худа без добра. Приятель отца как раз в этот день должен был отвезти в город пустые бочки на нефтебазу, и как раз в это время его ЗИЛок выезжал из ворот автохозяйства, которое все почему-то называли «Авторота». Естественно отец, сам работавший в «автороте», увидел знакомую машину и побежал навстречу. Приятель отца, дядя Жора, конечно же, согласился подбросить моих родителей до города, и, конечно же, совершенно бесплатно.

Вот так удача! Времени потеряли совсем немного, зато бесплатно доедут до города, а может, ещё и автобус обгонят. Отец заметно повеселел, забираясь в кабину грузовика.

О оказался прав – автобус они действительно обогнали... И довольно скоро.

Гружёный лесом под завязку, тяжёлый УРАЛ с прицепом, начал притормаживать на спуске. Спуск не крутой, но длинный. Если лесовоз наберёт скорость на спуске, перед развилкой его уже не остановишь, а правый поворот слишком крутой. Да к тому же, на подъём вырулил старенький «скотовоз» ЛиАЗ. Дорога узкая, и бывалый водила Матвей Семёныч придавил педаль тормоза. Педаль сначала туго пошла вниз, и вдруг резко упала в самый пол. Шофёр ещё несколько раз инстинктивно отпустил и нажал на злосчастную педаль, но она безвольно болталась туда-сюда. Тяжёлая машина уже набирала скорость, когда Матвей врубил первую передачу и осторожно, чтобы не сорвать сразу, потянул ручник. Слабая надежда, что эти меры остановят многотонную махину, но сейчас главное разминуться с автобусом. А там, на развилке, придётся ложиться на «боковую».

Мотор УРАЛа лихорадочно трясся на первой передаче, и Семёныч молил бога, чтобы не сорвало шестерни коробки. Тормозные колодки противно завизжали, и грузовик как будто клюнул носом, чуть притормозив. Но вдруг что-то хлопнуло, захрустело, и мгновенно машина пошла юзом. Прицеп начало мотать из стороны в сторону, срывая грузовик с дороги. Матвей стиснув зубы, и вцепившись в руль, пытался выровнять машину. Он, побывавший уже в аварии, отлично представлял себе, что значит столкновение его тяжеловеса с хрупким пассажирским автобусом. А меж тем

машины сближались. Скорость росла, а дистанция сокращалась стремительно. Оба водителя уже поняли всю опасность ситуации, и как могли, старались избежать столкновения.

Тогда Семёныч решил «уйти» в кювет. Он рванул баранку вправо и зажмурил от страха глаза. Последнее что мелькнуло в сознании – это то, что непростительно ошибся как последний новичок. Слишком резко заложил вираж и его заслуженный УРАЛ, кряхтя, завалился на левый борт. Потом всё стремительно завертелось и понеслось в тартарары. Лопнули цепные стяжки, и толстенные брёвна веером полетели навстречу автобусу. Тяжёлый прицеп не перевернулся, а встал на дыбы, взметнув к небу задние колёса, и со всего маху рухнул на крышу ЛиАЗа. В страшное месиво из брёвен, стали и окровавленных тел превратились две машины. Всё это с диким скрежетом, треском, воплями понеслось вниз по склону и рухнуло в глубокий кювет.

ЗИЛок отцовского приятеля вырулил из-за поворота на подъём, когда уже всё было кончено. На обочинах у места аварии стояли несколько машин, водители которых стали свидетелями страшной трагедии. Кто-то пытался найти выживших в грудe металла и брёвен. Один водитель «Москвичонка» повернул назад к бензоколонке, где был телефон, вызывать милицию и «скорую».

Дядя Жора остановил свой грузовик на обочине и вышел посмотреть, что случилось. Вышел и мой отец. Через несколько минут они возвратились в кабину и поехали даль-

ше. Мужчины молчали до самого города, а мама боялась спрашивать, предчувствуя что-то нехорошее. Она ведь не могла разглядеть, что там, в кювете лежат исковерканные останки именно того автобуса, на который они так спешили.

Вечером родители забрали меня домой. Я очень обрадовался им, а ещё больше обрадовался набору пластмассовых солдатиков, который они мне купили. В этот вечер они как-то по-особенному ласково со мной разговаривали. А потом мама тихо плакала, когда отец ей о чём-то рассказывал в соседней комнате. Ещё долго потом бабушка и соседки горестно вздыхали: «Ох, ох, ох. Уберёт Господь, не дал сиротинушкой остаться!» – и гладили меня ласково по голове.

Может, и Господь, а может, и капризы маленького мальчика спасли две жизни.

Это потом я узнал, что выживших в той катастрофе не было.

В раннем детстве меня не приучили верить, в какого бы то ни было бога, и поэтому я не жду от него подачек. Но если он есть, я благодарен ему за то, что позволил мне достичь всего самому.

Путешественник

Ночь. Тайга. Чуйский тракт. Моросит мелкий осенний дождь. За рулём ГАЗона молодой мужчина. Серёге при-

шлось уйти в этот ночной рейс. Срочно нужно было стонять в Горно-Алтайск и забрать оттуда груз, чтобы к утру доставить его на станцию в Бийск.

Едет Серёга, напевает, развлекает себя. Отмахал от города уже километров пятнадцать. Огоньки пригородного посёлка растворились во тьме минут десять тому назад. Следующее жильё километров через тридцать. Трасса пустынна, лишь два жёлтых конуса света упираются в мокрый асфальт.

Вдруг в луче света за пеленой дождя возникает маленькая фигура идущего по дороге человека. Маленькая фигура, совсем маленькая. Голубой дождевик скрывает черты. Серёга чуть отворачивает влево, обгоняет пешехода, и вдруг резко давит на тормоз...

Валерке уже пять с половиной лет. Теперь он уже вполне самостоятельный и рассудительный мальчик. Родители его даже в город брали с собой однажды. Большущий город, во много раз больше родного села. Там высоченные дома, громяющие трамваи, много-много машин, и здоровенный мост через Бию, даже больше чем ажурный бревенчатый мост через Поперечку, что протекает через всё Смоленское.

А тут родители опять поехали в город. Повезли на станцию багаж, чтобы отправить его поездом в далёкий Ленинград. Скоро и он с родителями тоже отправится туда. Там живут другие дедушка с бабушкой – родители мамы. Там ещё живут его двоюродные братишки и сестрёнки. Интересно вот, больше Бийска этот самый Ленинград или нет?

Но вместе с вопросами в мальчишеской голове засела обида. Опять не взяли в город, а вместо этого отправили к соседке, бабе Нюре. Только теперь Валерка не устраивал истерик, не топал ногами как маленький, и слёз зря не лил. Он рассуждал. Рассуждал долго и мучительно. Почти два часа думал. И как-то, совершенно неожиданно пришёл к выводу, что родители решили его оставить здесь, а сами поедут в Ленинград без него. Как же это?! Он тоже хотел поехать в Ленинград. Нет уж, его так просто не проведёшь!

– Баб Нюр, я пойду домой, – сказал Валерка.

– А чего тебе здесь не сидится? – поинтересовалась старушка.

– Самолёт возьму, у тебя же нет игрушек, – рассудительно ответил мальчик.

– А Маруськины куклы? – удивилась соседка.

– Что я, девчонка что ли?! – возмутился Валерка.

– Так ведь дом-то закрыт.

– Да я уже умею замок открывать, и знаю где ключ спрятан.

– Да? Ну, ладно, сбегай.

Дома Валерка сбросил башмаки и натянул толстые шерстяные носки. Только почему-то они оказались разные – один белый, другой серый с чёрными полосками. Куда делись парные? Да это и не важно. Главное – тепло, и в резиновых сапогах, купленных ему «на вырост», нога не болтается. А по осенней распутице без резиновых сапог никак нельзя.

За окном начинал накрапывать дождик, и мальчик разумно надел поверх суконной куртки свой голубой плащ-дождевик с островерхим капюшоном. Вот, теперь тепло и непромокаемо. В карман куртки он заранее сунул два куска хлеба и два куска рафинада – перекусить в дороге. Теперь можно отправляться в путь. Он запер дверь на висячий замок и положил ключ на прежнее место. Вышел на улицу и отправился в сторону тракта.

Уже на окраине села, где широкой асфальтированной лентой шоссе убегало в сторону города, он встал на обочине и принялся голосовать. Машины ходили редко, и ни одна не останавливалась. Но вот крытый брезентом УАЗик тормознул у обочины.

– Ты чего, пацан? – выглянул с пассажирского сиденья мужчина в кожаной кепке.

– Мне, дяденька, в Биск* надо, подвезите.

– А чё ты в Биске забыл, малец? – весело поинтересовался пассажир.

– Бабушка у меня там живёт, – не задумываясь, соврал Валерка.

– Ну, залезай, – добродушно пригласил мужчина, распахнув заднюю дверцу.

Валерка довольный, что удалось остановить машину, забрался на заднее сиденье и захлопнул дверцу.

– А где в городе живёт твоя бабушка? – с сомнением спросил водитель.

– А у вокзала, в большом доме, где стеклянный магазин, – без тени смущения опять соврал мальчик. Почему-то именно этот дом ему запомнился в прошлый раз.

– Чего ж ты один-то в такую даль отправился? А родители твои где? – переглянулись мужчины.

– А чего, я большой, сам дорогу знаю. Мамка на дежурстве, а папка в командировке, он на самосвале ездит, – солидно заявил маленький пассажир.

– Я бы своего ни в жизнь не отпустил бы! – возмущённо сказал водитель, и тронул машину.

По дороге взрослые расспрашивали мальчика: что да как. А тот врал напрапалу, притом так уверенно и смело, что двое взрослых мужчин поверили и только осуждали родителей мальчика за легкомыслие.

У широкой стеклянной витрины магазина УАЗик затормозил, и из него выпрыгнул маленький пассажир в голубом дождевике и зелёных резиновых сапогах.

– Спасибо, дяденьки! – Крикнул Валерка, и побежал во двор дома.

Машина уехала, а из двора того дома, со стеклянным магазином, вновь появилась фигура в голубом плащике. Мальчик осторожно пересёк улицу и направился к зданию вокзала. Вокзальная суeta несколько его не пугала, лишь досадно было, что в такой толпе трудно отыскать родителей. Побродив по вокзалу, он вышел на перрон. Прошёлся пару раз туда-сюда. Затем долго бродил по путям, разглядывая, стояв-

шие составы, надеясь найти родителей там. Но и там, никого не обнаружив, он вернулся на вокзал. Покружил по привокзальной площади. Наконец, поняв бесполезность своих поисков, решил возвращаться обратно домой. За всё время никто на станции его не остановил, и даже не поинтересовался, что делает одинокий маленький мальчик в столь неподходящем для него месте. А ему и не нужны были лишние расспросы. Он двинулся в обратный путь. Идти пришлось долго, но было интересно. По центральной улице гроыхали красные трамваи, проносились разные машины. Даже низко над городом пролетел самолёт. Столько впечатлений, столько пици для детского ума.

День клонился к вечеру. Пасмурно. Темнеет быстро. Валерка остановился на середине моста. Ещё тогда, в первую поездку, ему страстно хотелось посмотреть с этого моста вниз. Теперь никто не мешал. Он смело влез на высокие перила, и свесился за борт. Дух захватывало от небывалой высоты. Поперечка, всегда казавшаяся настоящей рекой, теперь представилась мелким ручейком, а деревянный мост, с которого ныряли только самые смелые взрослые парни, теперь оказывался маленьким переходом. Где-то внизу, разгоня белые гребешки волн, проплыл катер. Он тоже казался маленьким, но это был настоящий катер с трубой и мачтой. Такие по Поперечке ходить не могли. Вот это удача! Будет чем похвастаться перед друзьями. Он ещё долго любовался рекой, и наслаждался небывалым чувством высоты. Река

несла свои воды, а ему казалось, что он медленно летит над речным простором.

Но стало уже смеркаться. Скорее нужно выйти на шоссе и снова попытаться поймать попутку. Мальчик быстрым шагом направился к окраине города, благо это было уже не далеко. Дорога спускалась с моста и уходила прямой полосой в сосновый бор. По ней он и направился. Город кончился, машины не останавливались, темнело быстро, снова начался противный мелкий дождь. Но возвращаться было некуда, нужно двигаться вперёд. На машине они доехали быстро, а значит до дома недалеко. Так решил он, и шагал упрямо среди притихшего леса. Ни одна машина так и не остановилась, да и было их немного, всего два грузовика, да две легковушки. Где-то за деревьями показались огоньки деревни. «Может быть это уже Смоленск*?» – подумал Валерка, и прибавил ход. Но, войдя в населённый пункт, понял, что это не его родное село. Все окраины Смоленского он уже облазил давно и мог бы даже в темноте определить, где находится. А здесь всё было незнакомо. Залаяли собаки в ближних дворах. Из подворотни крайнего дома выскочила лохматая дворняга и бросилась на незнакомца. Но Валерка большой мальчик, и знал уже как нужно отбиваться от собак. Главное не показывать ей страха, а лучше огреть палкой или швырнуть камнем. Он так и сделал. Схватил первый попавшийся булыжник и запустил в собачонку, но для верности ещё подобрал толстый обломок сосновой ветки. Собака, поджав

хвост, с визгом нырнула обратно под калитку. А вместо неё из двора показался мальчишка, по виду ровесник Валерки. Он грозно наступал на чужака и обзывался обидными словами. Драться Валерке не хотелось, он устал, проголодался (хлеб с сахаром съеден ещё на мосту), и спешил домой. Но обидных слов в свой адрес, прощать не собирался. Толстый конец ветки опустился на плечо обидчика с размаху, а когда тот с воплем повернул вспять, ночной странник ещё добавил ему веткой по хребтине. Местный мальчишка взвыл от боли и припустил во двор, побежал жаловаться родителям. А победитель тоже рванул подальше от этого дома. Он чужак здесь, лучше убраться подобра-поздорову. Мало ли что.

Посёлок оказался маленький, и мальчик быстро миновал его. Перевёл дыхание он, когда последние огни остались далеко за деревьями. Теперь мальчишка брёл по шоссе, среди чёрного таинственного леса совершенно один. Но страха он не ощущал. Просто очень устал и проголодался. Дождик продолжал противно моросить, и приходилось наклонять низко голову, пряча лицо от водяной пыли. Только теперь он осознал всю глупость своего положения. Ну, зачем, зачем он потащился в город? Как могла прийти ему в бестолковую башку эта бредовая мысль? Разве могли родители бросить его?! От осознания собственной глупости становилось ещё противнее. От обиды слёзы наворачивались на глаза. И так, еле видимая, обочина дороги застилалась слёзной пеленой. Но делать нечего, и он упрямо шагал вперёд. Доро-

га когда-нибудь выведет его к дому.

Где-то сзади засветились фары догоняющей машины, но сил поднять руку уже не было. Мальчик тупо брёл по мокрому асфальту, и не подумал даже отступить на раскисшую обочину. Машина с шипением и грохотом пронесется мимо и вдруг резко тормозит вдалеке. Зажглись два белых огонька рядом с красными, и грузовик сдал назад. Пассажирская дверь кабины распахнулась, и удивлённый голос молодого водителя спросил: «Эй, пацан, тебе куда?».

– Домой в Смоленск, – устало ответил маленький путник.

– Садись, – без раздумий пригласил шофёр. – Давай руку.

В кабине было тепло и уютно. Ласково светились неяркие огоньки подсветки приборов, мерно урчал мотор.

– Так говоришь в Смоленское идёшь? – снова задал вопрос водитель.

– Да, в Смоленск.

– А звать-то тебя как?

– Валерка, – сонно ответил мальчик, и закрыл глаза.

Проснулся он уже в светлой комнате, на широком диване. За столом напротив сидел милиционер с тремя звёздочками на погонах, рядом стояли ещё двое с полосками на плечах. Перед столом на стуле сидел водитель грузовика и что-то рассказывал милиционеру. Тот записывал всё на листе бумаги.

– А он, видать, дорогу перепутал. Ему бы с моста направо повернуть, на Смоленское, да куда там. Глупый, попёр прямо

по Чуйскому тракту. А впереди ещё километров тридцать сплошной лес. – Объяснял шофёр.

– О, проснулся, путешественник! – Сказал один из полосатых милиционеров.

Все обернулись к Валерке. А тот поднялся, протёр кулаками глаза, размазав грязь, и стал удивлённо оглядываться. Его грязные сапоги стояли у двери. Мокрый дождевик висел на вешалке вместе с серыми милицейскими плащами. В комнате ярко горела лампочка без абажура, а по стенам были развешаны разные картинки. На одних были нарисованы какие-то странные дядьки, на других разные ножики, пистолеты и ружья. Но больше было листов с разными буквами. Большими и совсем маленькими. На милицейском столе, среди множества бумаг, стоял большой пёстрый термос и рядом огромный бутерброд с докторской колбасой на помятом газетном обрывке. От толстого ломтя розовой колбасы невозможно было отвести взгляд. И милиционер со звёздочками поймал этот застывший голодный взгляд.

– Есть хочешь?

– Угу, – с готовностью кивнул головой Валерка.

– Паньков, налей ему чаю, – приказал офицер.

Через минуту горе-путешественник с великим удовольствием жевал батон с колбасой, захлёбываясь горячим сладким чаем. Казалось, ничего на свете нет вкуснее этого милицейского бутерброда.

Когда последний кусочек огромного бутерброда исчез

вместе с последним глотком чая, офицер стал задавать множество вопросов. Мальчик обстоятельно и подробно отвечал на них. Откуда, кто такой, как зовут родителей, где работают? Почему оказался так далеко от дома один, и не били ли его мать с отцом? Что, да как? Валерке нравилось, что с ним, как с большим, разговаривает настоящий милиционер. Не сюсюкаются как с младенцем, а он тоже старался серьёзно и честно всё рассказывать.

Молодой водитель расписался на листе протокола, подмигнул мальчишке и вышел из комнаты. Вслед за ним вышел офицер и ещё один милиционер. Остался тот самый Паньков, который наливал чай в гранёный стакан с блестящим подстаканником. Он присел на стул, и молча смотрел на мальчика. Валерке почему-то не нравился этот угрюмый неразговорчивый дядька, ему становилось скучно. Пауза затянулась надолго. Но вдруг, милиционер расстегнул кобуру и достал чёрный пистолет. Ух, ты! Впервые Валерка видел настоящий пистолет. Вот здорово! А угрюмый милиционер нажал на кнопку, и из рукоятки выскочила обойма с блестящими медными патронами. Потом он передёрнул затвор, и щёлкнул курком, направив ствол в пол. Мальчик как замороженный следил за этими манипуляциями как за таинственным священнодействием. Вот это да! Рассказать друзьям – не поверят! И тут случилось совершенно невероятное. Милиционер протянул на ладони пистолет ему. Мальчишка чуть не задохнулся от удивления, не веря своему сча-

стью. Ещё бы, увидеть настоящий пистолет ему пришлось впервые, а тут ещё и дают в руки подержать. Это ли не счастье? Восторженно распахнув глаза, и затаив дыхание, он принял в руки увесистый чёрный пистолет. Теперь ему не было скучно, теперь он уже вообще ничего не замечал вокруг. Всё его внимание поглотила воронёная сталь оружия, строгие правильные линии, холодная тяжесть табельного «Макара».

– Ну, что, беглец, поехали! – Вернул его к действительности голос звездатого милиционера.

Как он появился в комнате и когда? Этого Валерка не заметил. Но пришло время расстаться с драгоценной игрушкой. Его провели по длинному коридору до милицейского «козелка», и посадили на лавочку в будке с зарешеченными окнами. Рядом сел другой милиционер, а офицер поместился в кабине с водителем.

Вскоре остановились у какого-то двухэтажного здания с синей табличкой над крылечком. Внутри их встретили две тётеньки. Милиционеры протянули им лист бумаги, одна из них расписалась в нём, и милиционеры ушли, улыбнувшись на прощанье своему бывшему подопечному. Старшая тётенька предложила мальчику раздеться, в доме было тепло, а вторая ушла куда-то. Валерка безропотно стал раздеваться. Удивительно, но ни страха, ни даже тени опасения он не испытывал. Все эти взрослые люди, которые сегодня ему попадались, странным образом вызывали в нём симпатию, и даже

угрюмый Паньков стал другом.

Дом, где он оказался, странно напоминал ему детский сад. Длинный коридор, много дверей, шкафчики с картинками. А из одной двери выглянула любопытная мальчишеская мордашка. Старшая тётенька погрозила любопытному пальцем, и тот исчез за дверью. Но потом из той комнаты послышались возбуждённые детские шепотки.

Валерку помыли, переодели в чистое бельё. Затем вернулась молодая тётенька в белом докторском халате и принялась осматривать мальчика. После осмотра его накормили пшённой кашей и уложили спать в отдельной комнате, где стояло ещё несколько пустых кроватей. Это был изолятор. Валерка знал это слово потому, что в его детском саду тоже был изолятор.

А в это время родители, безмятежно спавшего беглеца, сходили с ума в тщетных поисках пропавшего сына. Давно уже оббегали всех знакомых и приятелей сына, переполошили всех родственников и друзей, «поставили на уши» дежурное отделение милиции. Безутешная мамаша, рыдая, заливала слезами заявление о пропаже сына.

В 03 часа 18 минут дежурный милиционер смоленского отделения милиции принял телефонограмму из районного отделения милиции города Бийска. Нашлась пропажа, мальчик передан в детский дом. Рекомендовалось отыскать родителей и направить по адресу детского дома.

Искать родителей не пришлось, они и сами были готовы

броситься за сыном среди ночи хоть на край света. Но добраться до города ночью не представлялось возможным, и поездку пришлось отложить до утра.

А утром в детском доме старший воспитатель, совместно с инспектором детской комнаты милиции, устроили допрос с пристрастием растерянными родителям.

В конце концов всё закончилось благополучно. Счастливая мамаша с красными от бессонницы и слёз глазами уводила радостного сына. Хмурый отец следовал за ними.

Вкус «берёзовой каши» Валерка запомнил на всю жизнь. Упругие берёзовые ветки из большой дворницкой метлы со систом погуляли по голой заднице, не в меру сообразительного, путешественника. Отец доверил этот воспитательный процесс матери, у неё удар полегче.

И куда только его потом не заносила судьбинushка, но то первое путешествие долго помнила вся родня.

**Жители села Смоленское называют его «Смоленск», а город Бийск – «Биск»*

Жизнь – это жидкость, которая может закипеть даже при минусовой температуре.

Плыви, Лёха, плыви!

Лёха плавать не умел. Совсем не умел. Никак. Бултыхался

на песчаной отмели с малышнёй, а дальше заходить боялся. Даже первоклассник Валерка уже кое-как выгребал по-собачьи. Чего уж говорить о старших ребятах. Жить у речки и не уметь плавать в столь солидном возрасте – позор. Но как ни прискорбно было признаваться в этом, а третьеклассник Лёха плавать не умел.

Оттого и не брали его с собой старшие ребята купаться. Приходилось плескаться с карапузами под бдительными взорами родителей. А как хотелось убежать вместе со всеми на Старое русло и с разбегу плюхнуться в речку. Но он туда даже не появлялся, только лишь с завистью и обидой смотрел издалека. Ну почему, почему они могут, они научились, а он как кирпич идёт на дно, при каждой попытке остаться на поверхности воды без опоры? Задавал себе этот вопрос Лёха неоднократно, и оттого злился всё больше и больше. И однажды чаша его терпения переполнилась.

Когда пацаны после войнушки побежали на речку, он не отстал от них как обычно, а рванул вместе с ними. Когда прибежали на Старое русло, все быстро поскидали одежду и стали прыгать с крутого берега. Лёха сразу прыгать не стал. Разделся и стоял на краю обрыва. Невдалеке расположилась компания старших парней. Одним из них был двоюродный брат Лёхи Серёга.

– Привет братуха, ты не заблудился?! – подтрунивая спросил старший брат.

– Здорова, Серёга, – важно ответил Лёха. – Ничё не за-

блудился, купаться пришёл.

– Ты ж никогда здесь не купаешься. Твоё место с малыш-нёй в лягушатнике.

– Чёй-та я должен в лягушатнике ползать?

– Так ты же плавать не умеешь! – засмеялся Серёга.

– Ты тоже когда-то плавать не умел. Вот прыгну и поплыву.

– Э, э, э! Ты, пацан, не шути! – посерьёзnel брат. – Вон лучше с мостушки прыгай, там совсем мелко.

«Да когда же это кончится?! – взбунтовалось внутри Лёхи. – Сейчас я им покажу! Хватит считать меня слабаком и трусом!»

Лёха молча отошёл от края берега метров на десять. Сжал зубы, и, что было сил, рванул к реке. На самом обрыве мощно оттолкнулся и с ужасом ощутил себя в воздухе. Он летел очень долго. Медленно размахивая руками и переворачиваясь на спину. Успел разглядеть удивлённые лица приятелей внизу. Заметил даже как вскочил обалдевший Серёга с растерянным лицом. Даже успел подумать: «Во я дурак-то!». А потом на мгновение услышал истошный вопль ужаса, и лишь в воде догадался, что орал он сам.

Речка приняла незадачливого ныряльщика в свои упругие объятия, подняла фонтан брызг, и поглотила его с головой. Крик его утонул в мутноватой воде.

– Лёха прыгнул! Лёха сиганул! – кричали пацаны, а Серега подбежал к краю обрыва и напряжённо вглядывался в то ме-

сто, где расходились на воде круги и оседали мелкие брызги.

А Леха, подстёгиваемый страхом и болью отбитой спины, лихорадочно пытался всплыть на поверхность. До поверхности было всего десяток сантиметров, но ему показалось, что он опустился на самое дно. Наконец над водой показалась искажённая страхом Лёхина физиономия с широко раскрытым ртом и выпученными глазами. Он беспорядочно бултыхал руками и судорожно хватал воздух. Снова исчез ненадолго под водой и опять вынырнул. И тут он вдруг понял, что ужасно хочет жить. Понял, что нужно надуться как камера воздухом и грести руками как делают это другие. Превозмогая страх и отчаяние, он втянул в свои маленькие лёгкие столько воздуха, что стало даже больно. Но зато при следующем погружении он уже не уходил в пучину, а завис рядом с поверхностью. Руки сделали несколько собачьих гребков синхронно с ногами. И он сдвинулся с места. Всего немного, всего чуть-чуть. Но он поплыл. Поплыл под водой. Так оказалось легче. Секунд десять его не было на поверхности. Старшие парни уже прыгнули вслед за Серёгой. Остальные ребята притихли, выбираясь на берег.

А когда в паре метров от того места, где Лёха погрузился последний раз, возникла его голова, раздался восторженный вопль десятка глоток.

«Плыву, плыву ведь я!» – лихорадочно билась мысль в голове несостоявшегося утопленника.

Дышать уже было нечем, и выпускать воздух страшно, а

вдруг опять начнёт тонуть. Пересилив себя, он сделал быстрый выдох, снова судорожно наполнил лёгкие до отказа.

– Плыви, Лёха, плыви, там уже мелко! – кричал из воды Серёга.

Но Лёха ничего не слышал. Выпучив глаза, он грёб что есть мочи, не сводя взгляда с заветного противоположного берега. И вот его нога царапнула по песчаному дну. Боясь поверить в удачу, он грёб дальше, выбиваясь из сил. И уже когда силы покидали его, Лёха встал ногами на дно. Голова с запасом возвышалась над водой. Он, разгребая воду руками, стал выбираться на песчаный пляжик. Выполз на четвереньках, и рухнул на тёплый песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.